
Краткий очерк развернутой экспозиции Государственного Дарвиновского Музея

Основы Дарвинизма в развернутой экспозиции Государственного Дарвиновского Музея в Москве. Май-июнь 1947 года.

Александр Федорович Котс

Мы начинаем с первой Залы, посвященной, как и все ближайшие двенадцать, сжатой, но наглядной иллюстрации самого факта изменчивости живых существ.

Согласно принятому правилу — показу в каждой зале лишь **одной** определенной темы — перед нами лишь одна проблема:

«Индивидуальная Изменчивость»

Показана она на двух примерах, двух обыкновенных промысловых и охотничьих животных: **Тетерева** и **Лисицы**. Но представлены они особым образом.

Огромная витрина во всю стену, уникальная по содержанию: сотня лисиц самых причудливых окрасок, от нормально-красных через снежно-белых и смоляно-черных, через полукрасных, пегих, пестрых, полубелых, серебристых, золотистых, сиводушек, чернобрюшек до недавно выведенных «Платиновых», «Беломордых» и «Грузинских белых» — пробегает перед нашими глазами изумительная гамма красок, раскрывающая беспримерную изменчивость окраски у общеизвестного животного.

Но переводим взгляд насупротив: такая же витрина, посвященная изменчивости **Тетерева-Косача**, общеизвестной промысловой птицы и нередкой жертвы вышеназванного хищника.

И снова — самые причудливые масти сотни птиц варьирующих от нормально-черного с сине-стальным отливом и до чисто-белого через тончайшие нюансы и ступени, то несимметрично сплошь усыпанные белыми пестринами, то с четким симметрическим рисунком и узором.

Собранные со всех концов страны за время более полувека и просмотра сотен миллионов особей «нормальных» по окраске, обе эти серии являются единственными в мире и классическим примером **личной** изменчивости у животного независимо от места обитания и времен года.

И наглядно, поясняя эту независимость личной изменчивости от района обитания, тянутся вдоль стен картины маслом, (писанные нашим лучшим мастером изображения охотничьих животных, А.Н. **Комаровым**) хорошо показывая, как в различных местностях, от Англии и до Алтая и Кавказа могут возникать, то здесь, то там, эти редчайшие, скачкообразные и резко выраженные отклонения у разных особей того же самого животного.

Зала 2. Но переходим во вторую залу, также посвященную **Изменчивости** но не «личной», а **географической** и «**коллективной**».

Снова перед нами сотня особей **лисиц**, но взятых из определенных местностей и хорошо показывающих зависимость размеров и окрасок от определенного района («ареала») обитания.

От интенсивно-красных, «огненных» **Камчатских**, через шелковистых «золотых» **Якуток**, красно-белых «гривистых» лисиц из **Семипалатинской области**, до желтовато-серых палевых лисиц **Поволжья**, через серо-бурых **Казахстана**, красно-серых **севера Кавказа** и до блекло-палевых **Туркменок** — все тончайшие градации и столь же нечувствительные переходы от громадных «Северо-амурских» блекло-красных лис — до крохотных, миниатюрных серых «Караганок» Закавказья.

Едва ли есть другое существо, столь благодарное для иллюстрации географической изменчивости у животных, и едва ли существует в мире сходная коллекция: итог тридцатилетнего просмотра сотен тысяч экземпляров, добытых на необъятном протяжении от Анадыря и Архангельска и до Армении и Андижана.

Переводим взгляды на противоположную стену: сходная громадная витрина, вся заполненная полусотней стройных длиннохвостых птиц, горящих блеском золота и красной меди, блестками сапфиров, изумрудов, аметистов... наши средне-азиатские фазаны с их непревзойденным блеском оперения, так причудливо сменяющимся на громадном протяжении от Кавказа до Амура.

И охватывая обе стены сверху, оттеняя, дополняя их природное богатство, тянутся картины все того же несравненного художника А.Н. **Комарова**, призванные пояснить **географическую** сторону проблемы привнесением **этнографического** элемента: перед нами пять охотников различных мест за лисами, и столько же — за самоцветами-фазанами: Китаец, Камчадал, Киргиз, Бухарец, горец — каждый в национальном одеянии и со своим трофеем помогают лучше всяких слов связать изменчивость живых существ и их пространство.

Зала 3. Мы проходим дальше: Сходная «симфония» но «басовыми нотами».

Та же Изменчивость на более массивном, грузном материале, — двух других героев, столь прославленных в зверином эпосе — именно **Волка** и **Медведя**.

Целые стада этих общеизвестных хищников, от колоссальных темных медведей Камчатки и Чукотки и до миниатюрных золотистых «мишучков» Центральной Азии, от крупных снежно-белых тундровых волков и до тщедушных маленьких волков пустыни Казахстана — все тончайшие и нечувствительные переходы.

Собранная в продолжении десятков лет, за счет десятков тысяч пересмотренных за это время шкур, наша коллекция из полусотни с лишним чучел в разной степени способна захватывать внимание и академика-зоолога и рядового зрителя.

И снова, оттеняя, поясняя содержание витрин красуются монументальные холсты-картины А.Н. **Комарова**, представляющие разные подвиды или виды тех же хищников в природной обстановке, в оттенении бытом человеческим.

Зала 4. Посвящается всецело нашей национальной птице — **Соколу**, эмблеме наших героичных летчиков: десятки этих горделивых острокрылых властелинов воздуха в их многогранном оперении, то снежно-горностаевом, то сизо-аспидном, то ржаво-бронзовом и все же родственно-едином в своей сущности — дают классическую базу эволюционному учению.

Но более, чем где либо — природные объекты заинтересованы в их дополнении искусством, а искусство препаратора-таксидермиста — в кисти, краске и палитре.

Углубляя в отношении научном и оправдывая исторически и национально содержание залы — украшает ее серия картин, рисующих повадки соколов под разными широтами, от глетчеров Гренландии до джунглей Индии и широчайшее использование кречетов, как ловчих птиц со времени Алексея Михайловича и до наших дней. (Картины В. **Вагагина** и А.Н. **Комарова** и английского художника-анималиста **Лоджа**).

Зала 5. — От оперенных покорителей эфира, столь изменчивых по месту обитания и возрасту, мы переходим к зале, специально посвященной «**Возрастной Изменчивости у животных**».

На десятках представителей оленевых животных можно проследить закономерность (обусловленную возрастом) изменчивость рогов от еле выступающих над головами спиц и до ветвистых канделябр взрослого оленя.

На пернатых и четвероногих хищниках (орлах, орланах, львах, волках, медведе) или травоядных (кабанах, оленях и тапирах) хорошо показано различие в окраске в разную пору жизни и отчасти проливающее свет на прежние, былые масти отдаленных предков нынешних животных (иллюстрации так наз. «Биогенетического Правила», в силу которого теперешние организмы в молодости повторяют часто признаки их вымерших далеких прародителей).

Зала 6. Посвящена центральному вопросу Биологии — явлению «**приспособления**» в Природе: связи и соотношения между «Средой» и «Организмом», между «Функцией» и «Формой».

Всего ярче, проще и нагляднее приспособление животных к окружающей их обстановке выступает у Млекопитающих на разных органах и формах их передвижения.

Перед нами самое причудливое общество созданий, словно поделивших меж собой самые различные участки или уголки природы: «Водолазы» и «Шахтеры», «Прыгуны» и «Скороходы», «Альпинисты-лазуны», «Парашютисты», «Летчики» — весь многогранный аппарат различных способов передвижения животных выступает перед нами на примерах обитателей самых различных сред и разных стран, — от снежной тундры до песков пустынь и джунглей Индии и Камеруна, от заоблачных высот Памира и Кавказа — до глубин земельных недр и океана...

Зала 7. Подобно трем ближайшим иллюстрирует то же явление «Приспособления» на ряде специальных и особо показательных примерах.

«Живые Ископаемые» — современные слоны, «Происхождение Хоботных животных» — такова классическая тема эволюционного учения, представленная в этой зале.

Лучшие в Европе по монтажу чучела слонов (обоих видов) и поставленные рядом мастерски воссозданные в натуральный рост их ископаемые родичи, «фаюмские» слонобразные их прародители прекрасно иллюстрируют эту новейшую главу и тему Дарвинизма в современно освещении.

И той же цели хорошо содействуют обширная коллекция скелетов, черепов, распилов, образцов зубов слонов и мастодонтов разных видов (в частности фаюмских ископаемых остатков) и монументальные панно (Ватагина), вскрывающие роль, значение и смысл отдельных признаков и черт строения этих гигантов в повседневной жизненной их обстановке.

Зала 8. Целиком отведена другой главе и теме эволюционного учения, еще более классической: «Происхождению Лошади».

Таксидермические препараты всех главнейших современных видов Зебр (в том числе редчайших вымирающих и частью вымерших на воле «Буршелевой лошади» и «Горной зебры»..) и джунгарской дикой лошади носящей имя нашего великого исследователя Центральной Азии — Н.М. Пржевальского.

Скелеты Лошади и Зебры в оттенении скелетами людей для пояснения однотипности двух первых, их парадоксальной однопалости — приспособления к продолжительному бегу.

Классическая, но банальная глава: «Происхождение Лошади» и выведение ее от ископаемых миниатюрных многопалых предков — поясняется оригинальной серией пластических скульптурных «реставраций», представляющих в естественный, нормальный рост главнейших многопалых этих «предков» — показательный пример, как тривиальные сюжеты наш Музей пытается облечь в новаторскую форму.

Зала 9. Углубляет, расширяет изучение проблемы «Регрессивной Эволюции» явления «органических утрат», намеченного в предыдущем зале.

Ряд классических примеров, поясняющих учение о «рудиментарных органах», соотношение «прогресса» и «регресса» и условность этих двух понятий в применении к живой природе.

Перед нами — ряд существ, обязанных своим «приспособлением» к жизненной среде регрессу и утрате органов, будь то властители морей с их отзвуками суши (чучела, скелеты, черепа китов, тюленей, сивучей, дюгоней, ламантинов..), будь то нелетающие птицы (страусы, **все** известные породы «Киви», нелетающие попугаи, чучело «Гагарки» — 3-ий экземпляр в Союзе, натуральный скелет «Дронта» — 3-ий экземпляр в музеях мира..) с их последними следами крыльев: отголосками родства с крылатыми их родичами или предками....

И оттеняя этот мир «пловцов» и «бегунов», порвавших в разной мере с сушей и передвижением по воздуху — и оживляя царство мертвых их останков, — перед нами серия картин **Ватагина**, рисующих нам жизнь этих обитателей лесов, саванн и океанов в их природном царстве ковыля, лианы и волны.

Зала 10. Отведена всецело **Зоогеографии** — науке о географическом распределении животных на поверхности земного шара.

Тридцать картин **Ватагина** нас переносят в самые далекие углы последнего, а натуральные объекты, собиравшиеся столетие со всех концов Земли, показывают фауны разных стран в их подлинной документальности.

Захватывая рядового зрителя только обилием фактического материала, угрожая сохраниваться в памяти лишь как цветистый «гобелен» окрасок и узоров, содержание раздела **Зоогеографии** потребовало расчленения на **три** отдельные подтемы, на три зала:

Зала 10: нас знакомит с фауной «Палеарктики», охватывающей Европу, большую часть Азии и Северную Африку. Включая фауну нашей Родины, — Отдел этот представлен более подробно во внимание к большей важности его для нас, как и во избежание опасности, что тускловатая по виду эта наша фауна растворится в таковых тропического пояса.

Зала 11. в большей своей части иллюстрирует животный мир последнего, именно фауну экзотическую: «Области» — Эфиопскую (большую часть Африки), «Восточную» (Индию с Юго-восточной Азией), Животный мир Южной Америки, Австралии и Океании. Здесь же (не совсем логично) помещается и фауна Северной Америки, по составу примыкающая к европейской и сибирской.

Заключительная Зала, именно **12-ая**, призвана идейно оправдать две предыдущие, показывая историческую роль и ценность **Зоогеографии** для утверждения или эволюции в науке о живой природе.

Содержание этой последней залы, призванной идейно завершить все предыдущие, — двоякое:

- a. «**Связь вымершей и современной фауны данной местности**», тот любопытный факт, что в ряде стран, их вымершая фауна часто примыкает к современной, отличаясь от нее гигантскими размерами отдельных представителей.

Музейный зритель приглашается еще раз посетить четыре местности земного шара, чтобы убедиться в этой любопытной смене вымерших гигантов — современными пигмеями:

«Гиганты прошлого и малорослые их нынешние родичи» показаны на ряде слепков и муляжей (в натуральную величину!), картинах и природных натуральных экспонатах — на громадных **сумчатых Австралии**, **неполнозубых** (Броненосцах, Муравьедов и Ленивцах) Южной Америки, **Лемурах** — острова **Мадагаскара** и огромных птиц **Новой Зеландии**, исчезнувших сравнительно недавно.

Снова призванные к жизни в живописных и скульптурных реконструкциях (талантом скульптора-художника-Палеонтолога К. **Флерова**) все эти вымершие «Левиафаны» призваны вплотную подвести к одной из самых замечательных страниц истории науки: зарождения идеи эволюции в уме ее новейшего основателя.

Картина (М.Д. Езучевского): «Дарвин за раскопками» в Южной Америке: гигантский череп вымершего чудища — громады броненосца — извлекается из недр Аргентины и находка эта вызывает в гениальном молодом уме идею беспредельной изменчивости живого мира....

Сходной сцене и созвучной теме посвящается другая часть экспонатуры той же залы:

- b. «**Фауна Галапагосского Архипелага**» и его значение для Дарвинизма.

Дарвин на Галапагосских («Черепашьих») островах, затерянных в безбрежных даях Тихого Океана, при знакомстве с его редкостной пернатой фауной.

Группа небольших пичужек (именно так наз. «Наземных Вьюрков»), замечательных своей изменчивостью, по размерам тела и по форме клюва, поразила в свое время молодого Дарвина и укрепила его в мыслях об изменчивости организмов.

Этой замечательной — единственной в нашей стране — коллекцией пернатых обитателей Галапагосского Архипелага, выяснением его значения в истории Науки — завершается первая часть Музея, его первые 12 зал, всецело посвященные проблеме **доказательств** Эволюции живого мира.

Разные по яркости показа и по простоте аргументации, а тем самым по доступности для усвоения массовым музейным зрителем, все приведенные доселе факты делают в глазах ученого бесспорным самый факт изменчивости, эволюции живой Природы.

Переходим к рассмотрению **второй** проблемы: о геологических ступенях и «этапах» этой эволюции, о «Смене формы жизни», в разные эпохи, об «**Истории животных обитателей Земли**».

Зала 13. — Под углом к предшествующим залам, между этажами первым и вторым располагается огромный зал, всецело посвященный прошлому Земли, былой истории и смене органического мира.

Перед нами ряд больших панно, изображающих характерные формы жизни, как они сменялись от древнейших, отдаленнейших времен — **Силура** и **Дэвона** и до наших дней: Смены «наземной жизни» (справа), «Жизни Моря» (слева), а под этой капитальной серией панно — монументальные скульптуры и оригинальные картины-зарисовки: реконструкции причудливого мира вымерших гигантов и гротесков, только в слабых отголосках додержавшихся до наших дней, чтобы покорно и безвестно уступить свое господство таковому бронетанков и Авианосцев.

Переходим во второй этаж, именно левое его крыло, всецело отведенное сложнейшей теме: **факторам, причинам, двигателям эволюции, — объяснениям эволюционного процесса.**

Начинать приходится с простейшего, самого древнего по времени, но наименее решающего объяснения: теорий и гипотез, выдвигающих **прямое** действие среды, влияние почвы, климата и пищи.

Опуская ряд примеров или экспонатов «школьного» порядка и достоинства (влияние корма, света и температуры на окраску насекомых, птиц и земноводных, в частности оригинальные объекты опытов над Саламандрой, в свое время проведенных так трагически погибшим даровитейшим биологом и другом нашего советского Союза — **Каммерером..**) — обратимся к наиболее наглядным и бесспорным доказательствам **прямого** действия среды на организмы при их обитании на воле.

Перед нами выразительная серия Млекопитающих, попарно скомпонованных таким путем, что каждый «Вид» содержит форму «Южную» и «Северную», хорошо показывая роль среды в образовании так наз. «локальных рас» и «разновидностей».

Поставленные рядом чучела пантер и тигров из Сибири, Индии, Закаспия, Суматры словно отразили на себе, на своем мехе то снега Сибири и Манчжурии, то джунгли знойных тропиков — Бенгалии или Борнео.

Выражаются эти отличия не только в разной густоте или цветистости их меха.

Сопоставленные рядом и попарно Леопарды, Рыси и Гепарды, Зайцы, Лисы, Волки и Медведи Севера и Юга — иллюстрируют большую мощь первых по сравнению с последними.

И тут же любопытная **сезонная** изменчивость животных, их различная окраска или густота волос в разное время года, проливающая свет на разницу во внешнем виде обитателей высокогорного Тибета и ближайших их сородичей степей Закаспия или саванны Африки.

Но объясняя до известной степени образование несложных случаев и форм «приспособления» (размеров тела, густоты волос, окраски) разных подвидов и самое возникновение последних — разбираемая здесь Теория «прямого действия среды» бессильна объяснить «Происхождения Видов», обитающих нередко в той же местности, на той же почве и при том же климате.

Эту зависимость животных от «Среды» но в свете несводимости к простому «механическому» объяснению показывает следующих зал:

Зала 15. — Посвящается приспособлениям более сложного порядка в области строения, структуры, а не только цвета и деталей расцветки волосных покровов.

Перед нами странное собрание зверей и птиц, как будто закрепивших в своем облике определенную потребность и стремление удовлетворить ее.

Гигантские жирафы, страусы, долговязые фламинго, журавли и цапли, лебеди и пеликаны разных видов всем строением и складом выражают либо тягу кверху, для охвата шири горизонта, либо книзу — до глубин им обитаемых водоемов: там — живые некогда передвижные башни или перископы, здесь — живые некогда сачки и неводы- цедилки-верши.

И окидывая общим взглядом эти странные создания словно скристаллизовавшие в себе стремление охватить то дали степи, то глубины вод, легко понять тенденцию былых ученых («Ламаркистов») объяснить эти структуры или облики, как следствия усиленного упражнения органов самим животным, допущением,

что от «работы» органа зависит и его строение и что наследуясь из поколения в поколение итоги «упражнения» слагаясь и суммируясь, способны привести к шаржированной стройности фламинго и жирафы.

Но не говоря о спорности «наследуемости» признаков, возникших вследствие «усиленного упражнения» — эта «Теория Ламарка» (видного французского предшественника Дарвина..) беспомощна при приложении ее к тем свойствам, или признакам, которые, полезные своим присутствием, не улучшаются от «упражнения», от усиленного пользования ими.

Таковы различные структуры или органы, служащие для механической защиты (панцири, щиты и брони) и для механического нападения (рога и бивни) или добывания пищи, органы «пассивного приспособления», лежащие всецело за пределами «активной» воли самого животного.

Сюда же, к этой категории «пассивных», **не** зависящих от функции приспособлений должно отнести весь мир окрасок и рисунков, наблюдаемых в животном царстве и служащих всего чаще видовым отличием — этой центральной основной проблемы эволюционного учения.

Зала 16. Задается целью — подойти к вопросу о возникновении цветовых отличий у животных, независимо от пола, возраста и времен года и живущих в той же местности, при одинаковых условиях существования.

Ярко и наглядно выступают в этом зале факты, иллюстрирующие примеры резкой и внезапной цветовой изменчивости у животных.

Перед нами — абсолютно уникальная коллекция, отобранная из бесчисленных миллионов особей, «нормальных» по окраске:

Черные лисицы, волки, леопарды, **черная** рысь с Урала, черные дикие коты с Кавказа, **черные** сурки и зайцы, белки, хомяки, летяги и пищухи — иллюстрации явления «**меланизма**» почернения окраски у животных.

Более обычно — но лишь относительно! — явление обратного порядка: полное или частичное лишь выпадение окраски: в результате «**альбинизма**», **побеление** животных там, где их нормальная окраска волоса или пера, совсем иные.

Белые лисицы, волки, выдры, барсуки, еноты, россомахи, колонки, хори, куницы, соболя, **белые** белки, хомяки, кроты, белая выхухоль.. И то же среди птиц:

Белые галки и вороны, **белый** ворон, **белые** рябчики, тетерева и глухари, фазаны, куропатки, **белые** ласточки, скворцы, дрозды, **белые** горная индейка и сова (ночная!), белые сойки, ястреба и завершающие их единственные в своем роде — **белые** орлы (степной и беркут) — две «жемчужины» этой коллекции.

Менее ярко, но не менее значительны примеры порыжения окраски приводящие к явлению «**флауизма**» и «**хромизма**»: выпадению черного и сохранению и усилению ржавчатого красящего вещества, или пигмента.

Перед нами: палевые Зайцы, хомяки, хори и норки, рыжие тетеорьки и глухарки, рябчики, бекасы, вальдшнепа и жаворонки, палевая выпь и рыжая сова...

Зала 17. Условно намечая путь образования новых цветовых вариаций оперения выступает небольшой отдел «**дихроматичных**» видов, регулярно наблюдаемых в двух разных «фазах» или «формах»: Кречета, подорлики, лесные совы, цапли, ястреба, поморники, песцы, пантеры, белки и лемуры... замечательные случаи «двуликости» животных независимо от пола, возраста, времени года или места обитания.

И охватывая все это причудливое царство необычных оперений и волосяных покровов тянутся вдоль стен картины, оттеняющие всю необычайность этих одеяний по сравнению с нормальными и — в ряде случаев — большую пользу, приспособленность последних.

Углублению той же темы посвящается экспонатура следующей залы.

Зала 18. — Дополняет предыдущие две залы и дает основу всем последующим, раскрывая, иллюстрируя законы или правила **наследственности** в мире организмов, и значение ее для понимания **изменчивости** их.

Цветистым калейдоскопическим ковром разворачиваются перед глазами зрителя десятки неожиданных причудливых окрасок на обыкновеннейших животных: палевые, «голубые», пегие, каштановые **мыши, крысы, белки, хомяки, морские свинки, кролики, кроты** показывают нам, что те **обычные** окраски их являются лишь частью вообще возможных, но могущих проявиться только при определенном скрещивании особей, определенной масти, или «цветовых задатков».

На десятках опытах над самыми различными животными и сотнях помесей или гибридах иллюстрируются основные правила **наследования** признаков окраски и структуры, как они доказаны в науке за последние полвека и положены в основу современного животноводства.

Опираясь о тридцатилетние эксперименты, проведенные со специальной целью обеспечения Музея нужным материалом, содержание данной и последующей залы может почитаться наиболее «научным», иллюстрируя законы или правила, доступные математической проверке, уловимой без труда при рассмотрении оригинальных красочных таблиц и зарисовок, закрепляющих итоги этих долгодетных опытов.

Зала 19. Продолжает содержание предыдущей, углубляя, уточняя правила **наследственности** и законы скрещивания, точно установленные в практике животноводов.

Ярко и наглядно-убедительно проходят перед зрителем классические опыты, поставленные в свое время **Дарвиным** и закрепленные на экспонатах, уточненные Музеем его имени: десятки опытов над голубями (получение «Сизаря» при скрещивании черного и белого!), над курами, гусями, утками, цветными грызунами, раскрывающими то, что так загадочно казалось полстолетие тому назад самому Дарвину, а ныне позволяет с величайшей точностью предвидеть результаты скрещивания разных видов, подвидов и варьететов.

Всего ярче и нагляднее законы эти выступают в опытах по скрещиванию фазанов разных видов и родов: «Алмазного» и «Золотого», «Золотого» и «Кавказского», «Кавказского» с «Серебряным» — десятки сказочных по красоте существ, живой былой цветник ярчайших феерических окрасок в самых неожиданных и смелых сочетаниях (примеры «мозаичного» наследования признаков).

Ценнее в отношении музейном — помеси, встречаемые изредка на воле и в естественных условиях при скрещивании животных разных видов, или даже относимых в разные «рода»: гибриды Глухаря и Тетерева (богатейшая коллекция в Европе!), помеси тетерева и белой куропатки, рябчика и тетерева, разных видов диких уток и гусей.

Гибридам птиц не уступают таковые у Млекопитающих: редчайшая коллекция ублюдков Волка и Собаки (частью добытых на воле!), — Льва и Тигра, Лошади и Зебры, Соболя с Куницей, Черного хоря и Норки, Зайцев «Беляка» и «Русака», Корсака и лисицы...

Очень instructивна и полезна в отношении практическом обширная коллекция гибридов, поясняющих элементарные общеизвестные законы или правила наследования признаков и свойств **домашних кур** при скрещивании птиц различных чистокровных рас или пород: все основные и известные отчасти еще Дарвину закономерности наследования окраски и структуры выступают с исключительной наглядностью в десятках опытах и сотнях экспонатах, помогающих усвоить птицеводу-практику элементарные понятия и правила Генетики, знакомые обычно лишь по скверным иллюстрациям учебников.

Лишь на основе предыдущих зал возможно освоение четырех последующих с их задачей: показать происхождение наших одомашненных животных.

Зала 20. Показывает диких предков большинства последних.

В натуральных экспонатах и картинах длинной серией попарно дефилируют перед глазами зрителя дикие родичи невольных спутников нашей культуры и главнейшие продукты этого одомашнения: рогатый скот, свинья, морская свинка, кролики, гуси, утки, индюки, цесарки, канарейки..

Глубоко не сходные по виду и экономической их роли в жизни человека все эти создания объединяются руководящей обобщающей идеей залы: показать необычайную пластичность организмов и ее подвластность воле, пользе и капризу человека.

Еще ярче эта власть его над изменением животной формы выступает в содержании трех следующих зал, и в частности как то показывает

Зала 21. , всецело отведенная под «Коневодство». Перед нами в превосходных чучелах ряд наиболее отличных по наружности пород: миниатюрной «Пони», белого лохматого коня Якутии и золотистого, почти безгривого «Ахал-Текинца», рядом с дикой лошадей Джунгарии, несущей имя незабвенного «Колумба Средней Азии» — Н.М. **Пржевальского**.

И оттеняя эту серию естественно-научных натуральных экспонатов — ряд картин работы нашего маститого художника А.Н. **Комарова**, — первого мастера по одомашненным животным: ряд холстов, изображающих главнейшие породы лошадей в работе — от «Владимирских Тяжеловозов» и до стройных «Карабахов». — Тут же интересные оригинальные и мастерские зарисовки основных пород работы даровитого художника, любителя-гипполога В.В. **Трофимова**.

Еще интимнее захватывает содержание следующей залы:

Зала 22. — Посвящена самому давнему и преданному другу человека и сподвижнику его культуры, — одомашненной **собаке**.

В превосходных образцовых экспонатах выставлены все главнейшие породы, от громадных догов, Сен-Бернаров и Овчарок до миниатюрнейших терьеров и болонок.

И охватывая, оттеняя жизнь этих былых степенных или суетных четвероногих наших домочадцев смотрят со стены картины **Комарова**: свыше полусотни замечательных холстов, тепло, интимно, красочно рисующих повадки, облики собак разнообразнейших пород: служебных (ездовых, охотничьих, сторожевых) и комнатных, причудливостью склада и окраски отражающих в широкой мере стиль и вкусы соответствующей эпохи.

Специального внимания заслуживает серия картин, всецело посвященная «Собаке Боевой и Санитарной в Дни Великой Отечественной Войны»: двенадцать замечательных холстов, рисующих волнующие сцены подвигов собаки в дни нашей «Великой Обороны» — розыск раненых, доставка их на нартах в перевязочные пункты, розыск мин, доставка донесений и разведывательная работа, подрывание танков и выслеживание вражеских снайперов («Кукушек»)… Сочно, ярко, выразительно увековечена героика собаки в эти годы величайших испытаний Родины, ее неувядаемой во веки славы…

Эффективные, доходчивые для любого зрителя последние **пять** зал объединяются одной их обобщающей идеей, именно учением **Дарвина** об «Искусственном Отборе» — обнимающем различные приемы изменения живых существ под властью человека.

Углубленному показу этого процесса посвящается экспонатура следующей залы.

Зала 23. Перед нами ряд классических примеров и явлений, словно перешедших со страниц известных сочинений **Дарвина** и в частности прославленные два: «**Происхождение пород домашних кур и голубей**».

Бесчисленные их породы в образцовых экспонатах поясняют несравненную пластичность признаков живых существ в условиях неволи, подчинение их власти, прихоти, капризу, пользе человека. А над ними — ряд картин, таблиц и зарисовок, поясняющих историю пород и постепенное их приближение к теперешнему состоянию.

Тут же впервые для науки демонстрируются подлинные основания для выведения домашних кур от дикого «банкивца», их родоначальника в далекой Индии.

Ни Дарвину, ни вообще зоологам не удавалось подыскать для этого последнего, для дикого «Банкивца», как и вообще для диких птиц, рисунков и окрасок оперения, свойственных нашим домашним курам.

Удалось это впервые Дарвиновскому Музею на громадном материале по изменчивости наших промысловых птиц (именно Тетерева-Косача), дающего от времени до времени вариации, неотличимые от оперения домашних кур. Но удалось это лишь на основе колоссального по численности материала и ценой просмотра более **двух сот миллионов** экземпляров птиц, «нормальных» по окраске и путем подбора серии редчайших варьететов, не имеющих ни в одном музее мира и показанных повторно в предыдущих залах.

Вместе взятые последние **шесть зал** дают исчерпывающую картину роли и значения «**Искусственного подбора**», обнимающего все приемы изменения и улучшения живых существ в условиях одомашнения в их бесчисленных породах.

Неизвестные в природном состоянии эти породы слишком часто отражают на себе не только подлинную пользу, доставляемую человеку, но и элементы менее высокого порядка: прихоти и самодурства человека, как это показывают петухи японские породы «Фениксов» с их многометровыми хвостовыми перьями.

Известный, или говоря точнее, практикуемый с времен глубокой древности, этот принцип «Искусственного Отбора», как приема изменения и улучшения одомашненных пород животных, послужил гению Дарвина основой для создания учения об «**Естественном подборе**», иллюстрации которого посвящены пять следующих зал. Ближайшая из них

Зала 24. — знакомит нас с явление **изменчивости**, в форме, не затронутой другими залами.

Не та, что связана с определенным ареалом (местообитанием) и не та, что изредка внезапно возникает независимо от окружающей среды, но в форме, как она в различной степени присуща всем живым созданиям безотносительно к району обитания, полу, возрасту или сезону, та изменчивость, которая присуща регулярно членам той же «популяции», того же «выводка», той же семьи, того же «племени»

Эта изменчивость, сугубо индивидуальная, особенно наглядно выступает на окраске многих хищников, зверей и птиц: на пестрой шкуре оцелотов, рыси, россомахи и на оперении Сарычей и ястребов.

Еще заметнее эта изменчивость при рассмотрении прекрасной серии рогов оленей, хорошо показывающей все переходы от простой изменчивости к ясно-выраженному уродству.

Опуская ряд примеров, менее доходчивых из мира насекомых, можно указать на поразительные колебания в окраске и рисунке брачного наряда, свойственного турухтану, небольшому кулику, представленному полусотней особой различной масти.

От явления «**изменчивости**» — этой основной исходной базы для «Естественного Подбора» — переходим ко второй его необходимой предпосылке: фактору чрезмерной размножаемости организмов.

Зала 25. Знакомит нас с общеизвестным фактом диспропорции, несоответствия рождаемости и выживаемости живых существ: «Рождается животных больше, чем их может выжить» — эту школьную, простую истину наглядно иллюстрируют не только красочные диаграммы и картины но и серии редчайших форм животных, так недавно еще славившихся необъятной численностью но стоящих ныне на граница вымирания: Бизоны, Зубры, странствующий Голубь Сев.Америки, «Зубатый Голубь» с острова Самоа, «Луговой Тетерев американских прерий».

Здесь же, в том же зале, можно ознакомиться с явлением «Расхождением признаков», одним из основных исходных положений Дарвинизма, утверждающим, что, чем многообразнее и разнороднее повадки и потребности сочленов той же группы («рода», «семейства» и «отряда»..) чем разнообразнее «экономические» уголки природы, занимаемые ими, — тем обильнее, тем многочисленнее и разнообразнее состав животных данной местности.

На любопытной серии ест.научных экспонатов, собранных со всех концов земного шара, иллюстрируются разные пути и формы этой «изоляции», приведшей по учению Дарвина к образованию естественно-научных «видов».

Зала 26. Посвящается всецело иллюстрации явления «**борьбы за жизнь**», за «**существование**» в Природе, этого решающего фактора и двигателя эволюции живых существ.

Длинной чредой проходят перед нами самые различные орудия борьбы как они свойственны животным разных групп: природные «мечи» и «копья», «пилы», «булавы», «ножи», «штыки» и «сабли» — весь природный арсенал вооружений, медленно слагавшийся в течение миллионов лет в животном мире под давлением сурового начала жизненной борьбы и конкуренции.

И параллельно этому, парирруя и отражая, все эти «активные» орудия борьбы слагались способы «пассивной» обороны и защиты: «панцири» и «брони», «шлемы», «каска», и «нагрудники», «колючки» иглы и шипы, не говоря уже о способах «химического» отражения врага, как они свойственны не малому числу животных.

Завершается этот природный арсенал отделом, посвященным иллюстрации примеров «эксцессивного» вооружения в животном мире, — случаев «переразвития» орудий обороны и защиты, как они представле-

ны у многих современных, как особенно у вымерших животных: бивни мамонта, моржа, нарвала, бабирусы, грандиозные рога гигантского оленя, многих современных буйволов и антилоп...

И расширяя, углубляя столь обычное одностороннее истолкование жизненной борьбы, как грубо-механического столкновения рогов, когтей и зуба, раскрывая сложный и диалектический ее характер и «единое в противоречии» — красуются вдоль стен десятки замечательных картин, рисующих характерные сцены сложных связей и соотношений у животных самых разных и порою отдаленных групп и составляющих единое экономическое целое. («Цепи питания» и «Биоценозы»).

Всего лучше это представление о «жизненной борьбе» и «выживании наиболее приспособленного», как **экономических** процессах, а не только схваток механических орудий нападения или обороны, пояснимо на явлении защитного сходства и окраски у животных, составляющем тематику и содержание следующей залы.

Зала 27. На сотнях натуральных экспонатах и бесчисленных картинах, писанных с натуры нашими крупнейшими художниками и натуралистами, проходят пред нами сцены и объекты, поясняющие замечательный закон созвучности цвета животных (а порой и формы тела..) с таковыми окружающих предметов или обитаемой среды. Музейный зритель как бы приглашается проделать в мыслях путешествие по разным странам, охватить эту гармонию цвета животных и господствующего «микро»-ландшафта под различными широтами: от снежной или мшистой тундры и ее сезонно изменяющейся фауны, через таковую сумрачной тайги, к тусклым и блеклым уроженцам степи и пустыни и кончая обитателями ярких тропиков. Весь богатейший и неисчерпаемый ассортимент приемов «маскировки», как они сложились за последние полвека в области военной практики, — находит здесь, в животном мире, свои ранние и лучшие прообразы.

И снова, предостерегая от чрезмерной идеализации или «очеловечивания» норм Природы — ряд объектов и картин, противоречащих «закону защитного сходства», призывающих к отказу от шаблонов или штампов в деле объяснения природы, от чрезмерного сближения ее законов с таковыми человеческого творчества.

Последняя глава — труднейшая, решающая по значению: проблема генезиса «Красоты» в Природе, или, объективно выражаясь, — эволюции гармонии структур и цветовых орнаментов в животном мире независимо от их значения для обладателей, от их реальной пользы в жизненной борьбе и конкуренции.

Зала 28. — Перед нами стены, сплошь заполненные сотнями созданий несказанной красоты или манящего своеобразия.

Чудесный мир крылатых покорителей эфира, воздуха и света, бабочек и птиц, приковывает всего прежде взгляд.

Чарующе глядят на Вас прелестные былые обитатели далеких тропиков в своем волшебном одеянии: лазурь и золото, янтарь и бархат, блеск эмали и атласа, бирюзы и перламутра в радостном созвучии как будто конкурируют друг с другом в гармоническом союзе. Нет тех красок, тех узоров, сочетания которых Вы бы не нашли на этих маленьких крылатых гобеленах...

Как лазурные миниатюрные аэропланы некогда парили эти бабочки над купами лесов Гвианы и Гвинеи, замирая над соцветиями высочайших крон деревьев, чтобы пораженные стрелой или свинцовой «пылью» тут же примостившегося на сучке стрелка, бескровным трупиком, кружась, спланировать на землю, пересечь три океана и опять расправить свои сказочные крылья перед зрителями Дарвиновского Музея.

И перекликаясь с этими блестящими гигантскими чешуекрылыми, сверкают из соседних примыкающих витрин живые некогда рубины, яхонты, смарагды, аметисты и сапфиры сказочных миниатюрных эльфов, обитателей ее саванн, лесов и гор, ее потухших кратеров, как будто «закрепивших на рубиновых нарядах этих крохотных созданий отблески огней потухшего вулкана...»

Сказочным миниатюрным фейерверком излучаются от сотен этих птичек многоцветные пылающие огоньки, словно волшебные миниатюрные фонарики... — «И не сгорят?» — порою спрашивают маленькие посетители Музея, глядя зачарованно на это несравненное собрание былых живых крылатых самоцветов...

И однако, как ни сказочно-чарующа эта безумно-смелая и расточительная красота, или — на языке ученого — эта случайная продукция слепой игры пигментных пятен или роговых пластинок, — есть другие существа, невольно вынуждающие нас усматривать в них нечто большее, чем «пляску атомов» бездушной мертвой, неорганизованной Природы..

Перед нами — царство гармонически законченных «орнаментов», подобия которых тщетно было бы искать в созданиях человеческого творчества: цветистые султаны, веера, щиты и шлейфы, оттененные чистейшим золотом или рубиново-смарагдовыми диадемами и ожерельями на фоне глубочайшего ласкающего бархата, или фонтаны огненных, лазурных, золотистых и серебряных воланов нежно рассученных перышек, воздушными каскадами охватывающих тела этих чудесных, изумительных существ.

«Райскими Птицами» — назвали их когда-то и название это сохраняется за ними и доселе на сухом и трезвом языке академической науки.

Не успели мы прийти в себя от этих дерзких вызовов по адресу умов, пытающихся без остатка растворить проблемы жизни в физике и химии, как новые протесты по тому же адресу несутся от существ, не менее волнующих и фееричных...

Перед нами — дюжина павлинов с их роскошными глазчато-звездчатыми веерами, отливающими то смарагдами, то пурпуром и бронзой и вскрывающими при ближайшем их анализе не только ход их постепенного образования, но и оправданность, как целостное восприятие, как гармонически-законченный мотив.

И — заключительный аккорд, именно этому **биологическому** толкованию и подтверждению **биологического**, а не только физико-химического объяснения — несется от созданий; так любовно-вдумчиво изученных когда-то **Дарвиным**: группы фазанов-«Аргусов» — пугливых чутких обитателей лесов юго-восточной Азии.

Охватывая, осеняя самих птиц, полускрывая их, раскрылись, развернулись перед зрителем подобия гигантских вееров из перьев, сплошь усаженных чудесными глазками, стройными рядами украшающими этот изумительный, гигантский нависающий «шатер».

Снова и снова вглядываешься на этот замечательный орнамент, в полном блеске выступающий лишь при определенном освещении (угле падения лучей), следя, как постепенно на различных перьях той же птицы формируются отдельные глазки...

Снова и снова вместе с Дарвиным воображаешь мысленно тот путь, которым исторически слагался этот сложный и законченный художественный мотив: четкообразные ряды искусно оттененных пятен, создающих полную иллюзия сферических образований, подлинных шаров, сидящих в обрамляющих их «гнездах»... Изумительная графика высокого неподражаемого мастерства!

Известно, как в поисках объяснения этих органических орнаментов в животном мире **Дарвиным** предложена теория, сводящая их генезис к причинам, залегающим в самих животных, наделенных — в убеждении Дарвина — способностями зрительно воспринимать мир красок и влиять на постепенное их осложнение на себе самих путем предпочтения самками лишь наиболее изукрашенных самцов: «**Теория полового подбора**».

Но не скрылась от великого ученого зависимость этих природных украшений и от **физиологических причин**: развития и усиления этих орнаментов — особенно у птиц — ко времени их размножения и с состоянием системы органов производства.

Отсюда — два пути, два метода научного исследования разбираемой проблемы:

- a. **Путь психологический** — исследование психики и поведения животных, в частности способности их различать цвета, фигуры, формы, — предпосылки для Теории «Полового Подбора».
- b. Метод **физиологический** — раскрытие взаимоотношения «орнаментов» и их анатомической основы, состояния органов производства и с нею связанной системы «желез внутренней секреции»: «Теория Гормонов».

Каждому из этих двух подходов или методов отведены в нашем Музее специальные разделы, или группы экспонатов.

Зала 29. — **Метод физиологический** — доступен для музейной экспозиции в двоякой форме:

- a. **Лабораторным образом**, на объектах, поясняющих влияние искусственного удаления половых желез на внешний облик и на поведение животных.

Перед нами куры, превращенные — посредством удаления яичников — в подобия петухов и петухи, в различной мере приобретшие черты и свойства кур по удалении семянников и трансплантации части яичника. (классические опыты профессора М.М. **Завадовского**).

b. **Естественным экспериментом**, изредка осуществляемым самой Природой у животных, обитающих на воле.

Стоит птице с ярко выраженным внешним половым отличием окраски и структуры потерять способность размножения (перерождением яичника от природного дефекта, травмы или старости..) и оперение самки получает признаки самца, как то показывает уникальная коллекция таких «петухоперых» самок Тетерева и Глухаря.

Реже — обратное, прижизненное замещение на воле оперения самца — куриным, как это показано на нескольких редчайших экспонатах: двух «куроперых» глухарях из трех, известных вообще в музеях всего мира!

Опуская ряд аналогичных экспонатов по Млекопитающим (по Антилопам и Оленям..), обратимся к более обширному и благодарному для демонстрации разделу, поясняющему знаменитое учение **Дарвина** о «Половом Подборе».

Зала 30. — Не входя в подробности, достаточно отметить, что громаднейшее большинство всех доводов или примеров, приведенных **Дарвиным** в защиту своих взглядов, как и случаев, им в разной степени противоречащих, закреплены в Музее сотнями наглядных экспонатов, поясняющих многоцветистый, многоформенный мир красок и движений, призванный обосновать эту классическую тему Дарвинизма (в частности: взаимосвязь «Полигамии» и «Дихроматизма» и «Моногамии» и «Мономорфизма», любопытное явление «тока» и «боев» самцов за место гнездования и роль водителя и вожака в зверином стаде).

Хорошо известно, что созданием своей теории о «Половом Подборе» **Дарвин** неизбежно должен был столкнуться с обсуждением проблемы психики и биопсихологии животных, темы, рассмотрению которой им посвящено так много замечательных страниц (известно, что последняя посмертно изданная работа Дарвина касалась изучения Инстинкта..) и что самая эта Теория сложилась применительно к важнейшей и венчающей проблеме эволюционного учения — вопросу о «Происхождении Человека».

Каждому из этих двух отделов посвящается в нашем Музее по обширной анфиладе зал, имеющих достойно завершить экспонатуру Дарвиновского музея, как идейно-тематического целого, как вещно-тематический идейный организм.

Опускаем замечательный, ибо единственный в Европе и пронизанный оригинальными научными работами **Зоопсихологический отдел**, заслуживающий самостоятельного очерка.

Призванный к жизни тридцать с лишним лет тому назад соосновательницей **Дарвиновского Музея**, Н.Н. **Ладыгиной-Котс**, ныне доктором биологических наук, — Отдел этот, охватывая около десятка зал, является биопсихологическим фундаментом Музея в целом, именно поскольку это есть музей **Биологический**, а биология, наука о живых созданиях, об организмах не сводима к физике и Химии, жизнь животных неразрывно связана с психическими актами, отличными от сил и качеств мертвой неорганизованной материи.

И в той же степени, как существует разница между живым животным и его посмертными останками, храняемыми в музеях и поскольку цель биологических музеев воссоздать, отобразить эту былую жизнь — игнорировать явления биопсихологии возможно лишь ценой смешения живого с мертвым и отказа от познания жизни в ее качественно специфичном проявлении.

Оставляя за собой коснуться некоторых глав и этого отдела в меру их необходимости — вернемся к прерванному рассмотрению Музея.

«Происхождение человека» .

Начинается этот раздел с обзора «Места Человека в ряде окружающих его живых существ» и всего прежде, самых близко родственных ему созданий — обезьян.

На лучшей для Союза и одной из богатейших вообще в Европе серии монтированных препаратов посетители знакомятся с последними зоологическими звеньями, нас связывающими с животным миром: вымирающей четверкой «Антропоидов»: **Гориллой** и **Шимпанзе** Африки, **Оранга** и **Гиббоном** Азии. Десятки этих обезьян, ближайших к человеку, в превосходных экземплярах оттеняются столь же эффектными скульптурами и живописными картинами **Ватагина** — первого мастера в изображении этих животных.

Сходным образом, натурой, кистью и резцом представлены и обезьяны **низшие**: Гелада, Бабуины, Гаматрилы, «тонкотелые», Макаки и мартышки, «Цепкохвостые» американские. Попеременно шепчущие нам о нашей кровной близости и о взаимной чуждости, эти пародии людского облика указывают в лучшем случае лишь те глухие тропы или закоулки, что лежали в стороне от торного пути, приведшего к апофеозу человека.

От обследования внешних обликов — к сравнению их костной подосновы.

Уникальная в масштабе общеевропейском — серия скелетов Антропоидов и черепов различных видов, рас и возрастов вскрывает возрастающее сходство с человеком в молодости, расхождение — в старости.

И тут же поучительная серия скелетов эмбрионов человека, начиная с самых ранних стадий хрящевых закладок и до окончательного оформления, подтверждая раннее возникновение специфично-человеческого.

От формирования особи — к доисторическому прошлому людского «Рода», от эмбриолога, от его скальпеля и лупы — к заступу Геолога.

Что говорит нам прошлое земной коры о нас самих, о генезисе **человека**?

«**Люди каменного века**» — в гипсовых моделях, слепках, реконструкциях резцом и кистью, выступают перед нами жуткие, полуистертые страницы нашего геологического прошлого.

«Борьба за первобытное жилище» и за «первобытное орудие» — сюжеты первых двух скульптур **Ватагина**, им созданные за время первых революционных лет (1918-1919). И тогда же им был написан ряд картин на ту же тему.

Более законченно и планомерно создавались серии панно работы двух других художников, и всего прежде **К.К. Флерова**, счастливо сочетающего знания палеонтолога, зоолога и даровитого художника.

Идея, замысел этих картин: на базе новых данных воссоздать характерные сцены быта всех главнейших типов палеолитического человека в оттенении ландшафта и типичных представителей им современной фауны.

Опуская обезьянью «предысторию» людского рода (табунок «Дриопитеков» убегающих от стада Сиватериев..), мы видим самых древних до сих пор известных представителей этого рода — пару Питекантропов на фоне буйно-вулканического пейзажа Явы с группой первобытных хоботных животных на переднем плане..

Следующая картина: Два «Синантропа» Китая в оттенении лесовым ландшафтом и табунком «Халикотериев» — гротесковых животных современной им когда-то «Нихованской фауны».

Еще более рискованны, чем предыдущие сюжеты, оказались два других: попытка воссоздать так наз. «Гейдельбергца» (по одной лишь нижней челюсти!) и еще более проблематичного «**Пильдаунца**» из Суссекса. Но и там, и здесь кремневые орудия, по счастью найденные в тех же отложениях, договорили недосказанное костными останками и подтвердили большую их близость к человеку.

Не в пример всем предыдущим типам, приуроченным к тропическому климату и соответствующей фауне — все последующие картины этой серии посвящены «Неандертальцам» и эпохе возраставшего похолодания и надвигания ледников и ледниковой фауны: появления Овцебыка, Мамонта, шерстистых носорогов, заменивших «южного» слона, полутропического носорога и Гиппопотама...

Основной руководящей красной нитью пробегает через все картины, через все находки, до сих пор известные, — способность этих примитивных наших предков и прародичей — к изготовлению каменных орудий, созданию которых несомненно некогда предшествовало употребление древесных палиц и дубин, — не сохранившихся в земле до наших дней.

Взятые вместе все эти картины поясняют нам не только смену обликов наших далеких предков параллельно смене фауны и ландшафта, но подчеркивают роль «Труда» в процессе человеческого становления.

Начиная с самых ранних, нам известных, ступеней его формирования, от яванских «Питекантропов», и от «Синантропов» Бейпина через «Гейдельбергцев» и «Пильдаунца» до Неандертальцев в их различных местных расах (Крапина, Мустье, Коррез): везде и всюду деятельная рука и направлявшие ее мозг определяли грани, отделявшие людей от их звериных ископаемых предтеч.

Переходим к следующей зале: от эпохи «раннего» Палеолита к людям «позднего» Палеолита: Подлинные люди, и телесно, и психически, они полны живого интереса больше для пале-этнолога, чем для анатома и антрополога.

Вот перед нами «**Солотрейская**» культура, знаменитая непревзойденным мастерством отделки каменных орудий: наконечников для копий, поражающих добычу, как вплотную, так возможно и на расстоянии, уверенным броском издалека.

Успешности охоты помогали варварские способы ее ведения, как то известно по находкам множества костей животных у подножья круто поднимающихся утесов — места гибели несчетных диких лошадей или бизонов, загонявшихся на скалы и свергавшихся с их крутизны..

В эту же пору люди, как известно, научились пользоваться рогом, костью и подобными им материалами для выделки орудий, как показывают наконечники острог для добывания рыбы, иглы, шила — для сшивания звериных шкур в работах по изготовлению одежды...

Но, конечно, самым поразительным в культуре позднего Палеолита — было «первобытное искусство», относимое к эпохе «Маделэн»: неподражаемое мастерство, с которым люди того времени умели создавать изображения животных, высекая их на камне, нанося их очертания на роге, кости и на стенах обитаемых пещер.

Не малое число таких изображений нам известно из различных местностей Испании и Франции, отчасти и у нас, в России: тонко и умело схватывая только самое типичное для данного животного, нередко прибегая к оживлению рисунка краской, первобытные художники своим искусством больше, чем своими костными останками и совершенством каменных орудий закрепили за собою ранг и звание подлинного человека, закрепившего рукой и камнем повседневный быт и бытование искусства.

Значение «орудия» и роль «Труда» в процессе человеческого становления снова и снова выступает «лейт-мотивом» всех этих картин и обликов, оправдывая, восполняя недосказанное костными останками доисторического человека.

И не те же ли «орудия» труда в союзе с его первым провозвестником, огнем, спасли когда то на заре культуры ее первых робких пионеров от несметной армии врагов, живых и мертвых сил природы: ярости пещерного медведя, стужи ледникового периода?

Этой теме — посвящается последнее собрание картин работы А.Н. **Комарова**, закрепляющее сцены этих битв, этих смертельных схваток наших отдаленных прародителей с четвероногими гигантами, приведших к утверждению господства человека над могучим мамонтом и носорогом, бегом дикого коня и рогом буйного бизона...

Наконец, последние этапы этих исторических доисторических побед: картины, посвященные бескровному завоеванию человека: обращению его вчерашних недругов в друзей и преданных сподвижников его культуры.

В ярких, красочных картинах, писанных большим художником и знатоком охотничьих и одомашненных животных, А.Н. **Комаровым**, — оживают перед нами сцены приручения былых когда-то предков или прародителей последних: приручение кабанят, волчат, поимки дикого тура и укрощения дикой лошади.

Мы на исходе нашего доисторического прошлого. Обретши неожиданных союзников за счет вчерашних недругов, сменивши рог охотника — пастушеской свирелью, еще чаще совмещая их, вступает человек в преддверие человеческой истории.

Вооруженный стрелами и луком и гончарным мастерством рисуется он нам владеющим домашними животными и свайными постройками и первыми зачатками агрикультуры но увы! простившимся надолго с изумительным искусством позднего палеолита: в такой мере грубые бездарные каракули неолитического человека далеки от замечательного мастерства эпохи «Маделэн», так неожиданно заглошшего, затерянного, чтобы по прошествии тысячелетий возвратиться к полноценному искусству, но уже в совсем других аспектах, формах, целях и реальных достижениях, как они с неповторимой полнотой и яркостью любовно-преданно увековечены под сводами нашего **Дарвиновского Музея**.

Подходя к концу осмотра этого последнего, нам остается рассмотреть **три** завершающих его отдела, размещенные в **трех** залах:

I. «Залу Энгельса».

II. Залу, посвященную «Истории Естествознания и Дарвинизма»

III. Залу, посвященную так наз. «Советским дарвинистам»

Начинаем с «**Энгельсовой залы**». ¹

Зала Энгельса

Имеет целью выявить музейно-экспозиционно, а не только помощью цитат и лозунгов, известное воззрение автора «**Диалектики Природы**» на значение и роль «Труда» в процессе становления человека, оттенить музейно связь биологических и социальных факторов, помогших человеку выйти из рядов его звериных предков, за рубеж его зоологического прошлого.

Мы входим в Зал. Охватывая с трех сторон бюст **Энгельса** (работы В. Ватагина) — три стены, отведенные каждая одной, из трех анатомических, структурных предпосылок человеческого становления.

головному мозгу — как продукту, а не только фактору, условию «труда»

Стопе, — как предпосылке выпрямления тела и освобождения рук от функции хождения.

Кисти, — как ближайшему орудию реально-вещного труда.

«Рука людская, как орудие культуры» — и ее развитие, — идея, много раз просившаяся в слово со времен Лукреция и до эпохи Франклина и Гердера, Эразма Дарвина и Нуарэ — но всего ярче высказанная Энгельсом в его известной незаконченной работе о значении труда в процессе человеческого становления.

Рука в творениях **Торвальдсена, Рафаэля и Паганини** — три великих имени и облика, словно сошедшие со страниц **Энгельса**, — закреплены в оригинальных трех панно (работы А.А. Лушников) а охваченная ими одинокая скульптура человеческой фигуры, представляющая юношу, смотрящего на распростертую ладонь своей руки, словно расценивая и сопоставляя ее видимую слабость, ее подлинную мощь.

Но как та, так и другая выступают только при сравнении со звериными скульптурами, теснящимися по бокам, и при сопоставлении конечностей животного и человека.

Перед нами **шесть** животных: Муравьед, Сивуч, Кулан, Лев, Тур и Сев. Олень, - шесть разных типов применения конечностей: для обороны, нападения, движения по снегу, ровной почве и в воде, по кручам гор и для рытья в земле. Боец, бегун, пловец, горняк и альпинист — каждый по своему высокий мастер, властелин своей среды, но дорогой ценой: **одностороннего** приспособления к узко-ограниченным условиям и специальной функции, как ятагана, лыжи, заступа, весла и «кошки» лагуна. Могучие по виду, слабые в

¹ Тематически всего теснее связанной с Отделом «**Зоопсихологии**», точнее говоря, сравнительно-психологического изучения живых существ, Отделом, обнимающим ряд зал, в избытке обеспеченных экспонатурой, но имеющих быть поясненным в специальном очерке.

своей односторонности, они, эти конечности, заранее преградили путь для гармонической и **всесторонней** эволюции этих животных, сделав их рабами окружающих условий.

Но не то у человека. Слабая по виду, бесконечно уступая порознь конечностям животных в их односторонней функции, наша рука сильна своей **универсальностью**, способностью переключиться на любую роль **через орудия** имеющие заменить, восполнить недостаточную специфичность, специализацию руки в каждом отдельном случае.

В итоге — оснащение киркой и «кошками», скафандром, лыжей и мушкетом, чтобы дать впоследствии дорогу еще более утонченным и совершенным изобретениям: экскаваторам, подводным лодкам, аэросаням, автомобилю, бронетанку...

Но возможным это оказалось лишь на почве сохранения **пятипалости** руки, универсальности ее, как органа хватания, возможной в свою очередь только ценой ее отрыва от земли, сосредоточения функции ходьбы на сводчатой стопе и регуляции обеих, и стопы, и кисти — силами центрального мотора: головного мозга.

Роль стопы, всецело взявшей на себя передвижение по ровной почве, сделавшей возможным выпрямление человеческого стана и тем самым приподнявшей человеческую голову над бывшими звериными его собратьями.

Именно так рисуется экспонатура следующей, **второй** стены.

«**Стопа людская**» — совершеннейшее и неповторимое в природе достояние, свойственное только человеку и определяющее эластичность его поступи, столь непохожей на «двуногость» Кенгуру, тушканчика и вымерших гигантских динозавров мезозойской эры, столь отличной от эпизодической ходьбы на задних лапах бурого медведя или обезьян, способных только на короткий срок усваивать подобие походки человека.

И, однако, уступая быстроте животным лишь «на коротке», двуногость человека бесконечно их опередила исторически, как нам о том напоминают три картины, посвященные **трем** «победителям пространства»: покорителю пустынь, **Пржевальскому**, герою арктики и лыжного пробега — **Мансену**, властителю эфира — **Чкалову**.

Но победить животных в их передвижении по воздуху, на суше и в воде, стопа людская в состоянии была лишь в сочетании с победой головного **мозга** и **руки**, в их творческом единстве, символически представленном на помещенном в центре экспозиции скульптуре человека с молотом, — эмблемой целеустремленного труда и творчества.

И, наконец, последняя стена все той же залы, посвященная апофеозу человеческого тела, — головному мозгу, мысли, творчеству идеи, как она аллегорически представлена фигурой погруженного в раздумье юноши, охваченного живописным триптихом, изображающим трех гениев-мыслителей: бессмертных «Стагерита», Ломоносова и Ньютона.

Располагаясь по бокам от юноши-мыслителя теснятся шесть звериных обликов, в различной мере поступившихся объемом головного мозга ради специальных головных орудий: **Бегемота** с необъятной его пастью, **Бородавочника** — с бивням-кирками, **Антилопы-Бейзы** и ее рогами на подобие рапиры, **моржа** — с его баграми-бивнями, **Верблюда**-дальнозора степи и пустыни и **Слона** — с его «брандсбоем-хоботом».

И снова, уступая органически и функционально каждому из этих специфичных головных орудий, голова людская окупила их своим «челом», объемом головного мозга, превзошедшего так бесконечно далеко эти звериные орудия, создав ряд новых, по сравнению с которыми бледнеет созданное силами Природы: от простого заступа, мотыги, лейки и трубы подзорной, от кирки, рапиры до последних достижений техники: до ледокола, экскаватора, Рефрактора, Мортиры, водяной цистерны и Комбайнера...

Но возможным это было только на основе органической «триады» — **мозга, кисти и стопы** в их органической взаимосвязи, в сложном ходе исторического становления.

Музейно-вещно выявить и отразить эту идею, перекинуть мост от факторов **биологических** к моментам **социальным**, показать их органическое двуединство в свете Энгельсовой «Трудовой Теории», имеющей

дополнить таковую Дарвина, — в этом союзе и размежевании дарвинизма и Социологии, и заключается задача нашей «**Энгельсовой Залы**».

Но, оправданная как **проблема**, содержание ее нуждается еще в психологическом обосновании, могущем вскрыть психологическую подоснову сложного процесса превращения «потребности» труда в его реализацию, а выполнение труда в его структурное наследие не в смысле вещной видимой продукции, но в виде отражения «Труда» на облике производителя, на «продуценте».

Разрешение этой задачи — проследить влияние «труда» на самого работника и роль труда, как органического и организующего фактора, и преобразователя не только окружающей среды, но самого носителя труда, его фактического исполнителя — решение задачи этой мыслимо лишь при сравнительно-психологическом подходе к изучению человека и его ближайших родичей в животном мире.

Разрешению задачи этой посвящен особый, уникальный по тематике и содержанию Отдел Музея, посвященный эволюции животной психики, — Отдел **сравнительно-психологический**, имеющий дополнить, углубить и завершить все прочие отделы, посвященные проблемам эволюции структуры, формы и окрасок в мире организмов.